

ТИМОФЕЙ СВИРИДОВ

КРАЖА
МЕДНОГО ВСАДНИКА

Русская история

Тимофей Свиридов

Кража Медного всадника

«Алисторус»

2022

УДК 94-001.5
ББК 63.3(2Рос=Рус)1

Свиридов Т. Р.

Кража Медного всадника / Т. Р. Свиридов — «Алисторус»,
2022 — (Русская история)

ISBN 978-5-00180-692-9

Однажды, слушая доклад петербургского полицмейстера, Николай I спросил: «Что же ты не докладываешь о главном? – О чём, ваше величество? – Разве ты не знаешь? Медного всадника украли». Вернувшись от царя, полицмейстер приказал немедленно начать расследование... Этот исторический анекдот был положен в основу повести Т.Р. Свиридова, русского писателя, исследователя старины. Автор показал многих деятелей николаевской и более ранних эпох, по-своему осмыслил события российской истории. Книгу дополняет еще одна повесть Т.Р. Свиридова о царствовании Николая I.

УДК 94-001.5

ББК 63.3(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-00180-692-9

© Свиридов Т. Р., 2022

© Алисторус, 2022

Содержание

Кража Медного всадника	6
Часть 1	6
Часть 2	14
Часть 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Тимофей Романович Свиридов

Кража Медного всадника

© ООО «Издательство Родина», 2022

Кража Медного всадника

Часть 1

Медный всадник исчез

Дорога из Санкт-Петербурга в Царское Село – приятнейшая и удобнейшая во всей России. Дворцы и дачи русской знати удачно вписываются в неброский северный пейзаж, оживляя его богатством архитектурных форм и смиряя дикость природы правильными построениями парковых ансамблей.

Как приятно прокатиться по этой дороге нежарким летним днём в венской, пахнувшей дорогой кожей коляске, покачиваясь на мягких рессорах под тихое шуршание колес по шоссе-сему покрытию! Аккуратно подстриженные деревца по обеим сторонам дороги будто вытягиваются во фронт при вашем приближении, а крепкие верстовые столбы со свежей раскраской свидетельствуют о служебном рвении и порядке в делах, которые здесь наблюдаются решительно во всём. Граф Толль, главноуправляющий путями сообщений, приложил немало стараний, дабы привести царскосельскую дорогу в надлежащее состояние. Он добился этого наилучшим образом, опровергнув всё еще бытующее у нас мнение о том, что русские дороги невозможно привести в должный вид, – что это едва ли не труднее, чем избавиться от дураков на необъятных просторах нашей Родины.

Не обошлось и без некоторых досадных оплошностей, вызванных, впрочем, не ошибками графа Толля, а ненасытной жадностью подрядчиков и ленивой глупостью мужиков. Так, на одном из участков дороги не был устроен, как подобает, водоотвод для ручья: этот ручей попросту засыпали битым кирпичом, землёй и песком в надежде на то, что вода сама собой уйдёт в земные недра. В результате тут образовалась глубокая промоина, которая, как ни пытались её скрыть, появлялась вновь и вновь; в светлое время суток кучера сдерживали перед ней лошадей и благополучное преодолевали это место, но в темноте и по незнанию в промоину попадало немало экипажей. Ломались рессоры, лопались шины, но поскольку денег в казне на ремонт дороги больше не было предусмотрено, то были достигнуты договорённости с кузнецом и держателем постоянного двора: первый открыл возле промоины кузницу, а второй небольшую гостиницу с трактиром, – так что господа, чьи повозки пострадали здесь, могли здесь же их и починить, а пока кузнец работал, скоротать время в трактире.

М.М. Иванов. Дорога в Царском Селе

Первое упоминание о русских дорогах встречается в Лаврентьевской летописи, где значится призыв князя Владимира (980 -1015): «Требите пути и мостите мосты». Первые законодательные акты касательно содержания и строительства дорог содержатся в «Судебнике» 1589 года. Поддерживать дороги в исправности вменялось в обязанности местных жителей. Они несли ответственность перед государством за происшествия с проезжающими, вызванные плохим состоянием дороги и мостов. В XIX веке было создано особое дорожное ведомство, управляющим которым стал генерал К. Ф. Толь, однако дороги по-прежнему находились в плохом состоянии. Царскосельская дорога была образцовой, но и она вызывала определенные нарекания.

Были довольны все: и дорожные смотрители, и кузнец, и трактирщик, и даже полицейские, призванные наблюдать за порядком в этой местности; господам же проезжающим никто не препятствовал изливать душу в каких им угодно выражениях, – да и близость трактира играла свою положительную роль. Всё испортила рассеянность царского кучера, вёзшего поздним вечером императора Николая Павловича из Петербурга в Царское Село и забывшего про проклятую промоину. Карета государя опрокинулась, и Николай Павлович сломал ногу, после чего начался великий переполох: были высечены для острастки мужики соседних деревень, а заодно с ними и кузнец; посажен в острог держатель постоянного двора, а вместе с ним пара подрядчиков из тех, что попроще.

С неизбежностью встал вопрос, как быть дальше, тем более что при внимательном осмотре выяснилось, что эта промоина на дороге далеко не единственная, – были ещё и другие, не считая бог весть как образовавшихся колдобин, рытвин и выбоин. После непродолжительного размышления решили было установить предупреждающие знаки с надписями: «колдобина», «рытвина», «выбоина» и прочее, – однако эта идея была отвергнута в виду чрезмерной демонстративности подобных знаков. Тогда нашли иной выход: вдоль дороги, за кустами посадили мужиков, которые в качестве обязательной отработки своих установленных законом повинностей должны были предупреждать проезжающих господ об опасностях пути и помогать преодолевать эти опасности.

На том и остановились, – а вскоре последовал высочайший указ о строительстве первой в России железной дороги от Петербурга через Царское Село к Павловску, и всё внимание отныне было привлечено к ней. Шоссейную дорогу отчасти всё же подсыпали, утрамбовали и заделали усилиями тех же мужиков, и ездить по ней стало по-прежнему приятно и весело.

* * *

Примерно так думал жандармский полковник Верёвкин, ехавший по делам службы на одну из дач вблизи Царского Села. Настроение полковника было превосходным: его карьера стремительно шла вверх, он был представлен государю, его ценил граф Бенкендорф, начальник Жандармского корпуса, – и, что очень важно, полковника принимали в доме Петра Андреевича Клейнмихеля, любимца государя, где Верёвкину благоволила Клеопатра Петровна, жена Петра Андреевича, имевшая огромное влияние не только на своего мужа, но и на высшие сферы государственной жизни.

– Эх, ваше высокоблагородье, опять затор! – прервал его размышления кучер, потянув за вожжи и остановив коляску. – Когда же починят эту треклятую дорогу?

– Молчи, дурак! – оборвал его Верёвкин. – Дорога прекрасная, просто ездить надо уметь. Не видишь, – чей-то рыдван перекувырнулся и преградил движение. А возчик – болван: ему надо распрячь лошадей, да оттащить в сторону свою колымагу, а не пытаться чинить её на месте. Эй, в сторону оттаскивай, в сторону! Дай проехать! – крикнул полковник.

На него недовольно оглянулись господа из других повозок, а от рыдвана прибежал запыхавшийся офицер и с ходу выпалил:

– Сама судьба прислала мне вас, господин полковник! Позвольте представиться: штабс-капитан Дудка. Состою при Главном штабе, по особым поручениям. Следую в Павловск с заданием, однако принуждён остановиться из-за непредвиденной поломки кареты, в которой княгиня Милославская, девятност семи лет от роду, передвигается в свои загородные владения.

– А, так это рыдван княгини Милославской? – сказал Верёвкин. – А что с княгиней, она жива?

– Жива, жива! – радостно откликнулся штабс-капитан Дудка. – Когда её извлекли из-под кареты, изволила ругаться очень по-русски, а потом сообщила, что опрокидывалась на наших дорогах уже сто раз, и что Бог не для того даровал ей долгие года жизни, чтобы прервать их в дорожном кювете... Однако тарантас, на котором я передвигался, тоже повреждён, – каналья-возчик не успел вовремя затормозить, – не позволите ли вы, господин полковник, присоединиться к вам? Вы, как я вижу, следуете в том же направлении? Не стал бы вас беспокоить, но служба, сами понимаете. Штатских просить не хочу, не люблю штафинок.

– Извольте, – неохотно согласился Верёвкин, – но я еду только до Царского.

– Не беда, – бодро отозвался Дудка, – до Павловска оттуда доплюнуть можно. В один миг домчусь!

– Извольте, – повторил Верёвкин. – Однако как нам проехать? Судя по всему, дорогу не скоро освободят.

– А я знаю хитрый путь, – подмигнул Дудка, усаживаясь рядом с Верёвкиным. – Любезный, – толкнул он в спину кучера, – поворачивай-ка назад, а потом в версте отсюда бери влево. Там есть просёлок, что ведёт к дровяному складу, а после через принадлежащий какому-то купчишке лес можно выехать обратно на дорогу, но уже в версте впереди. Правда, сторожа через лес ездить не дают, но пусть только к нам сунутся!.. Трогай, любезный, не сомневайся.

– Эх, дороги наши распроклятые! – говорил штабс-капитан Дудка, трясясь по просёлку. – Но чтобы мы без их распроклятости делали? Вот, скажем, в 1812 году Наполеон мог взять Смоленск ещё до подхода Барклая и Багратиона. Послал он туда корпус во главе с лучшими своими маршалами Мюратом и Неем, а тот корпус возьми да и заблудись. Два дня блуждали Мюрат с Неем, – хоть тресни, к Смоленску выйти не могут! – в результате крюк дали в восемьдесят вёрст и вместо Смоленска оказались у Красного. Тут генерал Неверовский подоспел со своей дивизией, – наш генерал, русский, привычный к российским дорогам, – а там и Барклай

с Багратионом подошли. Пришлось Наполеону за Смоленск драться, а ведь мог бы с налёту его захватить и сразу на Москву двинуть, а дальше, глядишь, и на Петербург.

После сего конфуза письмо в Париж отправил: дескать, проклятые русские привели дороги в полную негодность, да ещё уничтожили все дорожные указатели. Не знал он, что дорожных указателей у нас днём с огнём не сыщешь, а дороги в негодность приводят тем более нет нам резону – они у нас всегда в таком состоянии, будто мы неприятельскую армию ждём и хотим её в пути погубить.

– Ваше замечание неуместно, господин штабс-капитан, – строго возразил Верёвкин. – Победу над узурпатором в 1812 году одержали непревзойдённая доблесть наших воинов и высокий патриотизм народа. При чём здесь дороги?

– Эка! – удивился Дудка. – Как то есть, при чём? Если мы на них блуждаем и ломаемся, то каково же европейцу, непривычному к особенностям русского передвижения?

При этих словах кучер обернулся, посмотрел на Дудку и одобрительно крикнул.

– Вы, ваше высокоблагородие, видимо, не часто ездите по России, – продолжал Дудка, – а мы, офицеры по особым поручениям, исколесили её вдоль и поперёк: и на казённых, и на ямщицких, и бог знает на каких! Вот, года три тому назад поехали у нас поручики Забодайло и Тютюхов через Великие Луки в Новгород. Сперва ехали без приключений, а после Великих Лук ввиду холодной погоды стали отогреваться водкой с ромом. Глядь, очутились в незнакомой местности, – ну, натурально, принялись расспрашивать крестьян, как на большак попасть? А вам известно, как у нас дорогу объясняют: езжай, стало быть, до поворота, где летом пала рыжая корова дядьки Кондрата, а оттедова сверни на деревеньку, в которой поп на Пасху опился, а далее всё по прямой, да по прямой, мимо Евстафьевой пустоши, что останется с правого боку за ельником, – а уж там до большака рукой подать, всего вёрст семь с гаком и останется!

Кучер снова обернулся на Дудку и сказал «эхма!», а полковник Верёвкин поморщился.

– Едут, едут Забодайло с Тютюховым, – нету большака! Уже чёрт знает, через какие горюшки проехали, каких и на карте нет... В конце концов, выехали к большой реке. «Волхов, не иначе», – решили они и спрашивают встречного мужика, где, мол, Новгород? «Новгород-то? – говорит мужик. – Недалече. Пять вёрст вниз по Волге». «По какой-такой Волге? – удивляются поручики». «Вот она, Волга-то, – показывает мужик. – А до Нижнего пять вёрст, не более...» Так-то вот, – вместо Великого Новгорода в Нижний уехали Забодайло с Тютюховым.

Кучер издал странный звук, похожий на всплеск крупной рыбы в реке, а Верёвкин сказал, не скрывая досады:

– Каких только баек не услышишь в России.

– Честью поручусь, чистая правда! – воскликнул Дудка. – Мог бы рассказать вам немало других историй о русских дорожных приключениях, но воздержусь. Скажу лишь, что с упоением жду того счастливого момента, когда железные дороги сделают путешествие по России лишенным опасности. Впрочем, предполагаю, зная наш национальный характер, что и тогда не обойдётся без какого-нибудь комуфле... Знаете, наверное, что герр Франц Герстнер, который взялся за осуществление сего дерзкого проекта с железной дорогой, думал, что откроет движение между Петербургом и Павловском к октябрю прошлого тридцать шестого года. Всё рассчитал, всё взвесил педантичный немец, – но, как начали строить, тут-то и пошла потеха! Что надо, не подвозят, а чего не надо – сколько угодно; там, где нужно пять клиньев вбить, двумя обходятся, а там, где два достаточно, пять вбивают; вместо прямой линии – вкось выводят, а где надо кривую вывести, спрямляют, – к тому же, деньги стали исчезать неведомо куда. Вовсе измучился бедный немец, вешаться хотел, еле откачали. Но великим упорством всё-таки пустил дорогу, – однако лишь от Царского Села до Павловска, да и то на лошадиной тяге.

– Но позже была произведена проба с помощью паровой машины, – возразил полковник Верёвкин.

– Была, – охотно согласился Дудка, – и ввергла наших мужиков в глубокие раздумья: наш народ любит загадочные вещи. Я сам слышал, как два мужика рассуждали, сидя у насыпи и глядя на паровую машину: «Отчего эта машина едет? – Вестимо, от чего: от пару. – А баня? – Что, баня? – Ну, в бане пар, а она не едет. – Вот, дурак-то, – поставь баню на рельсы, и баня поедет!»

– Сей анекдот я уже слыхивал, – сказал Верёвкин.

– Да? Значит, от меня разошлось, – не смутился Дудка. – А вот уже и лес...

– Эй, стой! Останавливай! Тпру-у-у! – из леса выскочили два сторожа и схватили лошадь под узды. – Тута проезда нету.

– Ничего, господин полковник, сейчас я с ними разберусь, – шепнул Дудка и грозно заорал на сторожей: – Вы, что, болваны, не видите, кто едет?! Протрите глаза, сиволапые! Ну-ка в сторону! – и треснул ближайшего мужика по шее.

Сторожа вмиг отскочили:

– Виноваты, ваше высокородие. Обознались, стало быть. Проезжайте с богом!

– Давай, – толкнул Дудка кучера и через несколько минут сказал полковнику: – С ними по-другому нельзя. Они пропустят и без крика, и без оплеухи, но тогда надо двугривенный дать. У них так, – кто кричит и дерётся, тот важный человек, пусть поскорее проезжает; а кто вежливо просит, с тем можно покочевряжиться и денег на водку вытребовать.

– С народом следует обходиться строго, но справедливо, – сказал полковник Верёвкин.

...На въезде в Царское Село он высадил штабс-капитана Дудку:

– Далее наши пути расходятся. В Павловск я не еду, как я вам говорил.

– Я кого-нибудь ещё остановлю, – беспечно махнул рукой Дудка. – Весьма рад был нашему знакомству. Благодарствуйте и прощайте! – он откозырял полковнику.

– Прощайте, – приложил руку к козырьку Верёвкин и с облегчением вздохнул, когда капитан скрылся из виду.

– Погоняй, – приказал он кучеру. – Мы давно должны быть на даче обер-полицмейстера.

* * *

Дача петербургского обер-полицмейстера Сергея Александровича Кокошкина была построена и содержалась на широкую ногу. Всё, что изобретательный ум Запада придумал для комфортной и удобной жизни, сочеталось здесь с пышной роскошью Востока, – опровергая тем самым утверждение о несовместимости этих частей света.

Приёмы, которые устраивались на даче, по праву считались одними из лучших в столице, а гуляния продолжались по несколько дней. В конюшнях обер-полицмейстера стояли породистые лошади ценою в десятки тысяч рублей; в каретном сарае не хватало места для новых экипажей, выписанных из Европы; содержались при даче и специально обученные возницы, умеющие с шиком прокатить хозяина по окрестностям Царского Села.

Петербургский обер-полицмейстер решительно ни в чём не ведал нужды, а причиной было его внимание к службе. Он давным-давно очистил своё ведомство от людей ненадёжных и сомнительных, то есть не умеющих или не желающих пользоваться своими полицейскими правами, как положено. Полицейская служба не только могла, но и должна была приносить доход, а тем, кто этого не понимал, не следовало ею заниматься. Служить за одно жалование способны лишь вольнодумцы или дураки, – однако ни тем, ни другим не место в полиции.

Система, созданная обер-полицмейстером, работала прекрасно, и государь был доволен. Однажды ему доложили, что Кокошкин сильно берет взятки. «Да, – отвечал Николай Павлович, – но я сплю спокойно, зная, что он полицмейстером в Петербурге».

Сергей Александрович, действительно, всей душой радел о полицейских делах. Всем был памятен случай, когда у Синего моста, в самом центре столицы полицейский ограбил и

убил прохожего. Некий молодой человек написал своему отцу про сей инцидент, присовокупив неуместные рассуждения об ответственности полиции перед обществом. Но поскольку Сергей Александрович был убеждён, что полиция должна знать всё, о чём пишут жители Петербурга, – для их же пользы, чтобы уберечь от беды, – личные письма горожан вскрывались и прочитывались на почте полицейскими агентами. Получив сообщение о недопустимых высказываниях молодого человека, Сергей Александрович пришёл в ярость и потребовал самого сурового наказания для преступника, облившего грязью доброе имя полиции. Дерзкого юношу спасли благородное происхождение, влияние отца и вмешательство графа Бенкендорфа, которому государь поручил заботиться об исполнении христианского долга милосердия в отношении даже закоренелых преступников. Молодого человека всего лишь отправили в ссылку, – к вящему неудовольствию Сергея Александровича, говорившего, что ещё никогда полиция не была так унижена.

...Полковник Верёвкин застал его превосходительство в постели.

– Раньше трёх часов не встанут-с, – сказал лакей. – Всю ночь в карты играли-с, легли на рассвете.

– Доложи – дело государственное, – со значением произнёс Верёвкин.

Лакей переменялся в лице и исчез во внутренних покоях дома. Минут через десять, запахивая халат, потягиваясь и позёвывая, вышел Кокошкин.

– А, господин полковник, – протянул он. – Как же, помню, у Петра Андреевича Клейнмихеля виделись. Что за надобность привела вас сюда в столь ранний час?

– Прошу меня простить, ваше превосходительство, но дело срочное, не терпящее отлагательства. Сегодня поутру, проезжая через Сенатскую площадь, государь обнаружил, что памятник Петру Великому исчез со своего постамент. Учитывая щекотливый, я бы сказал, политический характер происшествия, государь поручил графу Бенкендорфу заняться расследованием совместно с вверенной вашему попечению полицией. Граф направил меня к вам, дабы вы незамедлительно подключились к следствию.

– Исчез? – обер-полицмейстер изумлённо взглянул на Верёвкина. – Медный всадник исчез?

– Точно так. Отсутствует на месте.

– Ах, воры, ах, прохвосты! – вскричал Кокошкин. – Ну, что за народ, скажите на милость? – всё тащат, всё! Медный всадник зачем им понадобился?

– Не могу знать. Государь распорядился в наикратчайшее время найти и вернуть на постамент.

– Ах, негодяи, ах, мерзавцы! – схватился за голову полицмейстер. – Едем, голубчик, сей же момент едем. Эй, люди, одеваться мне, живо! И пусть заложат карету!

– Не беспокойтесь, ваше превосходительство, у меня коляска, можем в ней поехать, – сказал Верёвкин.

– В коляске сами езжайте, – обиделся обер-полицмейстер. – Что же я с вами поеду, будто арестант...

* * *

Штабс-капитан Дудка изрядно поплутал по павловским дачам, прежде чем нашёл маленький деревянный домишко Иоганна Христофоровича Шлиппенбаха, – полунемца, полупшведа, осевшего в России.

Шлиппенбах копался в садике, где с необыкновенной аккуратностью были устроены цветники, дорожки и даже две крошечные беседки, имевшие надписи на немецком языке о приятности тихих радостей на свежем воздухе.

– Ваше благородие! – крикнул от калитки Дудка. – Я к вам!

– Чем могу служить? – Шлиппенбах выпрямился и взглянул на него.

– Не узнаете? А мы с вами встречались, когда вы заседали в Комиссии по выработке нового устава гарнизонных войск.

– Да, да, да! – расплылся в улыбке Иоганн Христофорович. – Я вас помню. Вы...

– Штабс-капитан Дудка. Помните, стало быть, как мы отмечали окончание работы?

– Ой-ой-ой, господин штабс-капитан, вы тогда очень... как это русское слово... шалить! – погрозил ему пальцем Шлиппенбах. – Вы большой... как это... проказник!

– Всякое бывало, – согласился Дудка. – А я за вами, нам снова нужна ваша помощь.

– Ах, так! – Шлиппенбах снял кожаный передник и перчатки. – Чем могу вам приятно услужить?

– Как человек ученый, много знающий и в то же время состоявший на военной службе, хотя и в штабах, вы призваны ныне для наиважнейшего дела. Это я вам передаю слова графа Ростовцева, который заведует у нас отделом военно-учебных заведений, – улыбнулся Дудка и зашептал, оглядываясь по сторонам, будто сообщал великую тайну: – Больше вам скажу, – сам великий князь Михаил Павлович, который является, как вам известно, шефом Кадетского корпуса, выразил свою живейшую заинтересованность в этом деле и повелел тотчас вызвать вас в Петербург.

– Боже мой! – воскликнул Иоганн Христофорович. – Амалия! Амалия! Моя дорогая, где ты? – позвал он жену. – Принеси мне умыться и приготовь парадный сюртук и панталоны.

– Что же это за дело? – спросил он затем у Дудки.

– Мы готовимся отпраздновать двадцать пятую годовщину войны с Наполеоном, а между тем, – я опять передаю вам слова графа Ростовцева – в наших учебных заведениях молодое поколение изучает историю бог знает по каким книгам, в которых российская древность представлена не то что в искаженном, но во вредном виде для воспитания чувства патриотизма. Вам, господин Шлиппенбах, поручено исправить сии недочёты, то есть составить книгу по истории России, по которой можно будет обучать юношество, но которую, однако, можно представить и как специальное издание, посвященное войне 1812 года, – скороговоркой выпалил Дудка.

– Мой Бог! – всплеснул руками Иоганн Христофорович. – Но как мне это успеть, даже если торопиться очень быстро? А мой русский язык, – он недостаточно хорош, чтобы писать книгу...

– Не беспокойтесь, граф Ростовцев всё предусмотрел. Для обработки текста в плане особенностей русской грамматики к вам будет прикомандирован известнейший журналист Фаддей Булгарин, – ну, тот, который «Северную пчелу» выпускает. Не читали его книжки? Нет?.. Я, признаться, и сам не читал, но одна моя знакомая дама от них без ума, особенно от «Приключений в двадцать девятом веке». Мерзавец, но талантливый, книги «на ура» расходятся, – покойный Пушкин очень ему завидовал. А я бы этого Фаддея вздёрнул, ей-богу! – он, подлец, воевал против нас в «Русском легионе» Наполеона, – Дудка крикнул и подкрутил ус. – Начальство, однако, его ценит, и перо у него бойкое, так что лучшего соавтора вам не сыскать.

– Но отчего выбор пал на моя персона? – недоумевал Иоганн Христофорович. – Разве в России мало есть умных профессоров?

В.А. Серов. Петр I на работах (строительство Петербурга) Пётр Великий основал Sankt-Piter-burkh (Санкт-Питер-Бурх)

16 (27) мая 1703 года. Город строился в неблагоприятных погодных и географических условиях. Здесь влажное и короткое лето и длинная, холодная сырая зима; значительная часть территории города подвержена постоянной опасности наводнений, связанных с ветровым нагоном воды в восточной части Финского залива. Самого Петра эти погодные явления не смущали: в сентябре 1706 года он описал, как по улицам, точно по реке, на лодках плавали люди. Петру «зело было утешно смотреть, что люди по кровлям и по деревьям будто во время потопа сидели».

Высокая смертность требовала постоянного снабжения рабочими. Пётр приказал ежегодно присылать в Петербург 40 000 крепостных, которые должны были являться со своими орудиями труда и продовольствием на первое время. Точное количество крестьян, погибших при строительстве Петербурга, неизвестно: называются цифры от 100 000 до 300 000 человек.

Часть 2

Петербургские недоразумения

– Напрасно говорят, что Санкт-Петербург – самый европейский, сам нерусский из всех городов России. Нет, этот город во всей силе и полноте выражает русский характер! Какому другому народу пришло бы в голову, скажите на милость, строить новую столицу государства на болотах, в зыбкой низине, затопляемой постоянными наводнениями? – болтал штабс-капитан Дудка, подъезжая с Шлиппенбахом к Петербургу. – Нужен был выход к Балтийскому морю, скажете вы? Но в таком случае следовало выстроить здесь только крепость, – а зачем строить столицу?

Ученые мужи от истории справедливо связывают сей подвиг с именем Петра Великого, который согнал на эти гиблые болота мужиков, и под строжайшей охраной и страхом наказания они воздвигли на топкой грязи Петербург. Но, помилуйте, можно ли силой удержать сотни тысяч мужиков в таком диком, пустынном месте? Не приставишь же к каждому из них солдата с ружьём, который, кстати, тоже не прочь дать тягу из этого проклятого края?

Нет, сударь мой, возведение Санкт-Петербурга нашло живой отклик в русском сердце! Эка невидаль, построить город на равнине, в хорошем климате и на твёрдой земле, – что тут такого, не так ли строят другие народы? Русскому человеку это скучно, русский человек любит такие планы, от которых захватывает дух, а ум отказывается верить в их осуществление. Потому-то затея Петра и нашла понимание у нашего народа; по пояс в ледяной воде вбивали мужики сваи в болотистое дно, а про себя, верно, думали: «Ну, мы им покажем кузькину мать! Ан, будет здесь город, мать вашу так!» Двести тысяч мужиков полегло при строительстве новой столицы, – и то, что другие народы сочли бы за ужасную глупость, у нас стало подвигом.

– Что такое «кузькина мать»? – спросил Шлиппенбах. – Я немного знаю русские ругательства и понял, что означает «мать распростак», но «кузькина мать» мне не ясно.

– «Кузькина мать» – это мать Кузьмы, сокращённо Кузьки. Никто у нас не знает, что это был за человек, в какой местности он жил, крестьянин он был или мещанин, но его запомнили на вечные времена, – сказал Дудка. – Ну, как бы вам понятнее объяснить... Вот, у вас на Западе есть драконы, колдуны, ведьмы, злые гномы, а у нас в России, «кузькина мать», – и поверьте, она будет пострашнее всех ваших чудищ вместе взятых. Кузькину мать показывают лишь в крайних случаях, и тому, кто её увидел, не поздоровится.

– Я, кажется, понял, но мне не понятно, почему в России так часто и нехорошо вспоминают мать, – недоумевал Шлиппенбах. – У нас о матери говорят с уважением и любовью, а у вас её очень дурно называют.

– Право, не знаю, – пожал плечами Дудка. – Вот, к примеру, когда я служил в полку, был у нас подпоручик Синяков, ужасный забияка, бретёр. Больше всего от него доставалось тем, кто сделал ему добро: упаси господи, оказать ему какую-нибудь услугу или просто выказать сочувствие! Он этого не прощал, затаивал злобу и обязательно находил случай придраться и вызвать на дуэль.

Мне думается, что неверие в добро, ожесточённость и озлобленность сидят у нас в крови. Суровая ли мачеха-природа тому причиной, нелёгкая судьба России или тяжелая русская жизнь, – я не знаю, я не философ, но что есть, то есть. Бывает, что и любимый ребёнок, в котором души не чают, вдруг со злостью кусает свою мать, – а что говорить о ребёнке, выросшем без ласки, униженном и забитом. Он начинает ненавидеть весь белый свет и издевается над добрыми чувствами.

– Но в сторону философствование, – Дудка сделал жест, будто отмахиваясь от неприятного воспоминания, – вернёмся к Петербургу... Мы построили здесь флот, – не удивляйтесь! – и в горловине узкого Финского залива создали его базу. Ваше европейское воображение не в

силах представить себе, зачем нужны военные корабли, которые могут свободно плавать по морю лишь в мирное время, – а при объявлении войны противник тут же запирает их в порту. Отвечу: главное предназначение нашего флота – защищать Петербург до последней возможности. И флот защищал его: и при Петре, и при матушке-императрице Екатерине, – и впредь будет защищать столь же ревностно, как раньше. Мы не только возвели столицу на болотах, не считаясь с потерями и удивив весь мир, – мы и дальше не будем считаться с потерей людей и денег, дабы сохранить её.

Это вам второе доказательство, что Петербург – чисто русский город. Есть и третье. Раньше, до Петра, здесь жили одни финские рыбаки, из числа самых отчаянных. Знаете, как они называли это место? «Чертов берег»! По их поверьям, здесь водится нечистая сила и случаются необъяснимые страшные вещи. На «Чертовом берегу» долго жить нельзя, – это означает бросить вызов силам природы.

Финны ютились в жалких лачугах, не желая строить лучших домов, ибо даже если не брать в расчёт нечистую силу, то холод, сырость и наводнения делают излишней постройку более совершенных жилищ. В самом деле, зачем строить хороший дом, если он простоит недолго, да и жить в нём опасно?.. Но нет, мы не такие, – мы понастроили здесь с помощью знаменитых европейских архитекторов великолепные дворцы, храмы, мосты, набережные, площади и памятники. Теперь, воздвигнув в сыром холодном климате, на воде огромный пышный город, мы принуждены тратить колоссальные средства на поддержание его в порядке. Если завтра вдруг прекратится непрерывный ремонт Петербурга, продолжающийся, безо всяких шуток, непрерывно с момента основания города, наша столица в считанные годы исчезнет среди болот. Ваши немцы, дорогой господин Шлиппенбах, давным-давно оставили бы этот город, который требует столь безумных затрат, и нашли бы местечко получше, – но мы не таковы, мы продолжаем его строить и будем строить далее... Кажется я доказал вам, что Петербург – самый русский из всех русских городов? В нём видна русская душа.

– Господин штабс-капитан, мне удивительно слышать от вас эти слова, – сказал Шлиппенбах. – Вы русский офицер и должны любить ваш Фатерлянд, землю ваших отцов.

– Как русский офицер я готов отдать жизнь за Веру, Царя и Отечество, – отвечал Дудка, – но отчего же не поболтать о том, о сём? Русские дороги такие длинные, чего только в голову не взбрёт, пока доедешь... Но мы прибыли: вот уже виден Главный штаб...

– Стой! – закричал жандарм, преграждая путь. – Езжайте в объезд, ваше благородие, никого не велено пускать.

– Но нам надо в Главный штаб, нас ждёт его превосходительство генерал Ростовцев.

– Не велено пускать, – повторил жандарм. – Никого не велено пускать, кроме как с разрешения его сиятельства графа Бенкендорфа или господина обер-полицмейстера Кокошкина. Весь центр города оцеплен, и по Неве хода нет.

– А что случилось?

– Не могу знать. Вертайте назад, ваше благородие.

– Возможно, бунт? – с испугом спросил Шлиппенбах.

– Если бунт, стреляли бы, – возразил Дудка. – Тихих бунтов в России не бывает... Ну, делать нечего, – поехали в кабак, что ли?

– Это нельзя, – запротестовал Шлиппенбах. – Мы обязаны быть у герра Ростовцева.

– Мало ли что. Не пускают, сами видите... Да и напрасно вы полагаете, что граф Ростовцев ждёт от нас точного исполнения приказа, – я не первый год служу, знаю. Был у нас майор, из ваших, из немцев, который в точности исполнял поручения начальства, – так его не любили не токмо что товарищи, но даже само начальство. Хоть убейте меня, но есть что-то подозрительное в человеке, который точно исполняет приказы в России. У нас так не принято, одно дело – обещать, а другое – выполнять; зачем это смешивать?.. Нет, господин Шлиппенбах, поехали лучше в кабак, тем более что у нас есть неоспоримое оправдание.

* * *

Следствие по делу о краже Медного всадника было начато полковником Верёвкиным и обер-полицмейстером Кокошкиным энергично, но без лишнего шума. Для начала были опрошены служители и члены Сената, здание которого находилось рядом. При входе в него дознавателей встретил поразительно толстый кот, лежавший перед дверью у лестницы. Сонно глядя на неожиданных посетителей, он нипочем не хотел уходить; лишь когда на него грозно прикрикнули, кот лениво огрызнулся и удалился.

Служители и члены Сената были под стать этому объевшемуся коту, – такие же медлительные и сонные; сама атмосфера этого учреждения способствовала покою и ленивой беззаботности. Давно прошли романтические времена, когда сенаторы активно решали важнейшие государственные вопросы и осмеливались даже перечить царю, как это делал неистовый князь Яков Долгорукий, генерал-пленепотенциар-кригс-комиссар при Петре Великом. «Царю правда – лучший слуга. Служить – так не картавить; картавить – так не служить», – говорил князь Долгорукий и в своём необузданном рвении доходил до того, что рвал царские указы. Впрочем, и тогда Сенат проявлял беспечность в решении неотложных государственных дел, из коих при Петре Великом более 5 тысяч были не рассмотрены вовсе, а ещё 2 тысячи отложены на неопределённый срок.

После бурной эпохи дворцовых переворотов Сенат окончательно превратился в тихую пристань для чиновников, имеющих заслуги перед властью и получивших сенатскую должность в качестве синекуры. Бурные политические страсти были в корне чужды сему учреждению: если и были здесь горячие головы, то после года-другого пребывания в Сенате они охлаждались, покорствуя общему духу размеренности и тихого довольства.

Государь Николай Павлович относился к сенаторам с большой снисходительностью, чему причиной была важная услуга, которую они ему оказали. При вступлении Николая Павловича на престол в декабре 1825 года произошли известные беспорядки, могущие иметь роковые последствия для государя. Преисполненные мятежного западного вольнодумства негодяи восхотели в день присяги Николаю Павловичу захватить Сенат и заставить его членов отказать государю в праве на престол, – более того, вынудить сенаторов принять Конституцию (документ несвойственный и вредный для России). Однако по прибытии на Сенатскую площадь – с большим, правда, опозданием, – мятежники обнаружили здание Сената совершенно пустым. Объяснялось это просто: по случаю воскресного дня сенаторы решили собраться пораньше, быстро принять присягу новому царю и разойтись по домам, дабы не нарушать своих планов на отдых, – что и было исполнено ими.

Таким образом, планы бунтовщиков были сразу же нарушены, и это обстоятельство оказало влияние на весь дальнейший ход событий. Мятежники были столь расстроены, что простояли на Сенатской площади до вечера, не предпринимая никаких действий и лишь убив зачем-то добродушного петербургского генерал-губернатора Милорадовича, героя войны 1812 года. Между тем, пойдя они на Зимний дворец, находящийся в полуверсте от Сенатской площади, неизвестно, удалось бы государю сохранить свободу и жизнь. Охрана дворца была столь малочисленной, что вряд ли она смогла бы защитить царя, – когда же подошло подкрепление, то выяснилось, что по чьей-то недопустимой халатности солдатам не выдали заряды для ружей, а когда подтянули артиллерию, то не подвезли порох для пушек. Так что жизнь Николая Павловича действительно висела на волоске, и если бы не сенаторы, которые с самого утра так сильно огорошили мятежников, что отняли у них волю к победе, исход сего рокового дня мог быть иным.

В благодарность государь многое прощал Сенату; количество неразобранных дел всё увеличивалось. Николай Павлович давно перестал удивляться этому: вскоре после начала своего

царствования он поинтересовался, сколько таких дел числится за министерством юстиции (кое должно было являть пример в аккуратности и быстроте прочим государственным учреждениям). Оказалось, что 2 миллиона 800 тысяч; через некоторое время государь снова спросил о количестве дел, ждущих своего рассмотрения – ему доложили, что теперь их стало 3 миллиона 300 тысяч. Николай Павлович махнул рукой и больше не интересовался этим вопросом.

Но всё же и его терпение лопнуло однажды: явившись в Сенат к десяти часам утра, государь застал на месте лишь одного сенатора Дивова (да и тот, как выяснилось, заснул здесь с вечера, будучи в подпитии) – а больше никто не пришел. Государь повелел Дивову передать его сотоварищам, что был у них с визитом, но никого не застал, – не довольствуясь этим, Николай Павлович специальным указом обязал сенаторов являться на службу к шести часам утра ежедневно. Они страшно переполошились и слёзно молили государя отменить сей жестокий указ, ибо, по их словам, царское посещение Сената само по себе уже сделало полезную электризацию параличному. Николай Павлович смилоствивился, и жизнь Сената пошла по-прежнему, спокойно и неторопливо...

Понятно, что добиться от служащих этого заведения чего-либо путного в связи с кражей Медного всадника обер-полицейстеру Кокошкину и полковнику Верёвкину не удалось. «Они бы не заметили, если бы само сенатское здание украли вместе с ними», – в сердцах проговорил Кокошкин.

* * *

Следующий этап следствия проходил на стройке Исаакиевского собора, позади похищенного Медного всадника. Работами руководил француз Монферран; со времён Киевской Руси и Московского царства в русских обычаях было поручать важные строительные работы иностранцам. Впрочем, отечественные мастера быстро перенимали у них опыт и строили вовсе не плохо, однако бывали и досадные недоразумения. Так, сооруженное русскими мастерами первое каменное здание Успенского собора в Московском Кремле, простояв полтора столетия, пришло в такую ветхость, что своды его обрушивались, а стены пришлось подпирать деревянными столбами. Это было странно, ибо подобные каменные строения в западных странах успешно стояли много веков, порой – от римлян.

Но ещё большая странность случилась при воздвижении второго каменного Успенского собора на месте первого. Русские мастера Кривой и Мышка, приглашенные царём Иваном Третьим для осуществления сего проекта, рьяно взялись за дело и уже подвели было собор под крышу, но тут-то он и рухнул с ужасающим грохотом. Мышка и Кривой объяснили эту неудачу землетрясением, которое произошло в Москве. Землетрясение такой страшной силы, что от него падают церкви, для Москвы событие столь редкое, что никогда до того и никогда после того не случалось, – надо же было ему случиться именно при завершении работ по строительству собора! Но самое удивительное в этом землетрясении, что оно произошло точно под стройкой, а до соседних кремлёвских зданий толчки не дошли.

Помолившись усердно Богу и поблагодарив его за чудесное спасение столицы, Иван Третий не решился более обращаться к притягивающим к себе землетрясение русским строителям и вызвал мастеров из Италии. Они возвели новый Кремль с зубчатыми стенами и мощными башнями, которые оказались поразительно долговечными, а также построили главные кремлёвские храмы, ставшие гордостью русской земли.

Особенно много иностранных построек появилось в России при Петре Великом и после него, – так что дворянские дома, гражданские здания и храмы стали точь-в-точь похожи на европейские. Впрочем, государь Николай Павлович, любивший свой народ и ценивший его культуру, повелел вернуться к старорусскому стилю. Выполняя волю царя, придворный архитектор, русский немец Константин Андреевич Тон изобрёл такой стиль и создал к годовщине

войны 1812 года проект храма Христа Спасителя в Москве. Прежний проект, шведа Витберга, был признан слишком прозападным, а потому несостоятельным; к тому же, при Витберге непонятно куда исчезло более миллиона рублей, – что само по себе было бы не удивительно, если работы хотя бы сдвинулись с мёртвой точки. Честный швед не мог понять, как это произошло, зато подрядчики и члены строительного комитета довольно потирали руки.

В результате Витберг был отправлен в ссылку, а проект Тона утверждён. Его храм Христа Спасителя представлял собой выросшую до чудовищных размеров русскую сельскую церквушку с прибавлением изрядной доли византийской вычурности и восточной аляповатости. Академики от архитектуры пришли в ужас при виде этого проекта, но государю он понравился, – Николай Павлович приказал Тону построить в таком же истинно русском стиле Большой Кремлёвский дворец. Этот дворец должен был выразить в камне представление народа о том, каким должно быть обиталище царя.

Что касается храма Христа Спасителя, то государь сам выбрал место для него на берегу Москвы-реки, для чего понадобилось снести почитаемый в народе Алексеевский женский монастырь. Игуменья монастыря, недовольная таким поворотом событий, прокляла сие место и предрекла, что ничто не устоит на нём долго, но любовь царя к России превозмогла и это обстоятельство.

...В то время как храм Христа Спасителя только собирались строить в Москве, Исаакиевский собор в Петербурге уже строили полным ходом. В России мало кто знал, чем примечателен Исаакий Далматский, которому был посвящён храм, однако Пётр Великий родился как раз в день поминовения этого святого, и такового обстоятельства было достаточно, чтобы потратить миллионы рублей на сооружение гигантского собора.

На стройке трудились тысячи человек, и была вероятность, что кто-то причастен к краже Медного всадника.

– Воры, все воры! – повторял обер-полицмейстер Кокошкин. – Поверьте, уж я-то знаю наш народ, сам чистокровный русак. Русский мужик слаб на руку: чуть зазеваешься, обязательно что-нибудь унесёт. Им памятник умыкнуть – плёвое дело, они этого Медного всадника в один миг стащат и не поморщатся. Ну, ничего, я за них возьмусь, они у меня во всём признаются, будьте уверены!

Полковник Верёвкин остудил пыл полицмейстера:

– Прошу учесть, ваше превосходительство, что нам нужно не признание, а памятник. Государь ждёт его возвращения, а не признания каких-то там мужиков. Не следует также забывать, что его величество лично следит за строительством собора и весьма расположен к господину Монферрану. Государю было бы неприятно узнать, что сие строительство омрачено кражей, да ещё имеющей такой возмутительный характер.

– А я об этом и не подумал! – всплеснул руками обер-полицмейстер. – Спасибо, батюшка, выручили, отвели беду... Нет, огорчать государя нельзя ни в коем случае... Но что же делать, а вдруг памятник спрятан где-нибудь здесь? Вон она какая громадина, эта стройка, – ну что стоит спрятать тут памятник?

– Вряд ли рабочие имеют отношение к краже, – возразил Верёвкин. – Что им делать с Медным всадником? Продать его целиком они не смогут, а пилить на части долго и хлопотно. Я полагаю, мы можем найти на стройке свидетелей, но не воров.

– А я всё же произвёл бы обыск, – сказал Кокошкин. – Мало ли... Может, они стащили памятник просто так, из озорства.

– Это может быть, – согласился Верёвкин. – Пусть ваши полицейские произведут осмотр, а я пока со своими жандармами порасспрошу рабочих и подрядчиков. Во всяком случае, мы обязаны убедиться, что строители непричастны к краже, а уж потом можно двигаться дальше.

* * *

Ресторация, которую штабс-капитан Дудка назвал «кабаком», действительно была кабаком, но в лучшем смысле этого слова. Кабаки в России, как известно, бывают двух типов: худшего, куда люди приходят напиться с горя, и лучшего, куда они идут в хорошем настроении. В худшем типе кабаков не имеет никакого значения обстановка, качество закусок и прочие эстетические условия: здесь главное – дешёвая выпивка, которую можно заказывать в неограниченном количестве, – но в кабаке лучшего типа человек хочет не только выпить, но и приятно посидеть. Очевидно, что кабаков лучшего типа в России всегда было гораздо меньше, чем кабаков худшего, ибо жизнь большинства российских обывателей побуждала их к горькому пьянству, а не к приятному времяпровождению. Тем не менее, кабаки лучшего типа тоже существовали на русской земле, что внушало положительный настрой людям, склонным к размышлениям о судьбах России.

Ресторация, в которую пришли Дудка и Шлиппенбах, славилась чистотой, уютом и вкусной кухней. Она занимала часть первого этажа в старом доме у Аничкова моста, и на вывеске её значилось «У моста» – это была одна из старейших рестораций Санкт-Петербурга. Когда-то, при Петре Великом, на топком берегу безымянного ручья, позже названного Фонтанкой, находилась диспозиция батальона подполковника Аничкова. День и ночь батальон расширял ручей, дабы превратить его в судоходный канал не хуже голландских, виденных Петром в Амстердаме и взятых им за образец для многочисленных речек, ручьёв и ручейков новой русской столицы. Кабак, открытый возле дислокации сего воинского подразделения, помогал облегчить нелёгкий труд по строительству канала, а попутно батальон Аничкова строил для продления Невского проспекта мост через Фонтанку, который приходилось всё время удлинять по мере расширения ручья.

Похожим образом шли работы и на других водных потоках Санкт-Петербурга, пока генерал-губернатор столицы, светлейший князь Александр Данилович Меншиков не прекратил на свой страх и риск амстердамскую затею царя. Не то чтобы Меншикову было жаль мужиков и солдат, гибнувших в холодной воде, но его одолевало беспокойство по поводу расхода средств из государственной казны. Светлейший князь пользовался ею почти как собственной и за долгие годы пребывания в царской милости сумел перетащить в свои подвалы едва ли не больше золота, чем оставалось в государстве, однако беда была в том, что из казны тащил не он один. Каждый, кто имел доступ к казённым средствам, грел на них руки, и никакие, даже самые жестокие меры не могли остановить лихоимство. Царь Пётр вешал воров, рубил им головы, четвертовал, клеймил раскалённым железом – всё впустую. Соблазн был так велик, что перед ним не способны были устоять не только люди, распоряжающиеся казёнными деньгами, но и суровые чиновники, поставленные надзирать за этими людьми, равно как ещё более суровые чиновники, поставленные наблюдать за всеми чиновниками вообще.

Вот это и вызывало беспокойство князя Меншикова. Как человек неглупый он отлично понимал, что остановить воровство невозможно, но в таком случае рано или поздно казна оскудеет окончательно, и что тогда с неё взять? Оставался единственный способ сохранить казённые деньги, чтобы можно было и впредь ими пользоваться в личных целях – ограничить расход на государственные нужды. Потому-то Меншиков и решил отказаться от расширения невских ручейков и речек; он боялся послушаться грозного царя, но забота о казне всё же пересилила этот страх.

Давно канули в Лету и «ближний царёв друг» Меншиков, и упорный подполковник Аничков, и непреклонный царь Пётр, чей памятник был теперь так внезапно и нагло украден, а ресторация возле Аничкова моста по-прежнему находилась на своём месте. Как уже было

сказано, из кабака худшего типа ресторация превратилась в кабак лучшего типа, куда охотно ходили петербургские офицеры.

* * *

Дудка заказал из холодных закусок – белужью икру, осетрину и заливного судака; из горячих – грибы в сметане и подовые пироги с луком и яйцами; на первое блюдо – солянку, а к ней кулебяку с телятиной; на жаркое – баранью ногу с гречневой кашей. Очень хорош был в ресторации запечённый гусь, откормленный орехами, а также рубец с копчёной грудинкой, равно как и говяжий холодец с солёными огурчиками, но Дудка, посмотрев на Шлиппенбаха, вздохнул и решил оставить их на потом, потому что надежда на немца была плохая. Шлиппенбах и без того изумлённо вытаращил глаза, когда капитан заказывал обед, и пытался было протестовать против двух графинов водки, натуральной и на травах, так что Дудка еле-еле убедил его.

Выпив по первой, они закусили белужьей икрой и повели неторопливый разговор.

– Водка под икру – это хороший русский способ, – восхищался Шлиппенбах. – Я оценил его лишь у вас, в России. У нас тоже пьют водку, но наша водка не сравнить с вашей водкой, а икру мы не имеем.

– У нас есть много такого, чего нет у вас, – согласился Дудка, ловко подцепив кусок осетрины и наливая по второй из запотевшего графина. – Россия – богатая страна.

– Но в ней много не понятно для меня. В вашей жизни большее число загадок, – да, очень большое число загадок, – сказал Иоганн Христофорович. – Взять сейчас: я не понял, почему меня звали, чтобы я писал книгу для молодых людей и для праздника. Вы пояснили мне, но я не понял до конца.

– Выбросьте из головы, – посоветовал Дудка, выпив свою рюмку и с удовольствием крикнув. – Мало ли что начальству взберендится.

– Как вы сказали? Я не услышал, – переспросил Шлиппенбах.

– Я говорю, начальство у нас любит чудить... Ну, как бы вам объяснить попроще... Оно отдаёт приказы разумные и неразумные, понимаете? Скажем, ездил я недавно в губернский город N, и тамошний губернатор как раз перед тем издал два предписания: разумное и неразумное. Разумное предписание касалось предупреждения пожаров, – в городе они случались постоянно, пожарный обоз не успевал прибыть вовремя, – вот губернатор и распорядился, чтобы обыватели сообщали о возгорании не менее чем за два часа до оно́го, не забывая указывать при этом характер пожара.

– О! – удивился Шлиппенбах. – Я опять не понял. Как это можно, сообщать о пожаре за два часа до оно́го? Разве это можно знать?

В.Е. Астахов. В погребе

Первые кабаки появились в России во второй половине XVI века, после взятия Иваном Грозным Казани. Согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Эфрона, кабаком у татар назывался постоялый двор, где продавались кушанья и напитки. В 1552 году Иван Грозный открыл около Кремля на острове Балчуг первое в истории России государственное заведение такого типа. В 1720 году в Петербурге был открыт первый «Трактирный дом». Прославилось оно тем, что завсегда там был Петр I, любивший выпить чарку-другую анисовой водки. Владельцами первых отечественных трактиров становились иностранцы, и кухня в них была обычно заграничной, отличающаяся разнообразием и изысканностью. Со временем трактиры стали более демократичными заведениями, однако оставались и трактиры для «чистой публики».

И вот этот праздник губернатор решил переставить на три дня позже по случаю приезда важного лица из Петербурга, которое носило имя Николай. Архиерей был человек сговорчивый и не нашел ничего возразить против губернаторского намерения, но, боже мой, какое волнение поднялось в народе! Если бы губернатор распорядился праздновать два вешних Николиных дня вместо одного, если бы он, в конце концов, перенёс праздник на три дня ранее, всё обошлось бы. А тут, представьте себе, народ ждёт праздника, разговения, еды и водки, а Николу переносят на целых три дня вперед! Дело дошло до государя, он сильно осерчал и, говорят, начертал на донесении об этом: «Губернатор и архиерей дураки, оставить праздник, как был».

– Это было так? Вы не сочинять? – спросил потрясённый Иоганн Христофорович. – Губернатор решил передвигать церковный праздник?

– Чистая правда, – подтвердил Дудка, перекрестившись для убедительности.

– Загадка, загадка, – прошептал Шлиппенбах.

– А? – не расслышал Дудка. – Что? Ничего?.. Ну, по третьей? А вы не хотели два графина брать, – этих-то не хватит.

– Да, – сказал Иоганн Христофорович, – под русскую беседу надо много пить.

– Вот вы и начинаете потихоньку постигать Россию, – проговорил довольный Дудка. – Ваше здоровье, дорогой господин Шлиппенбах!.. Судачка уже попробовали? Хорош, да? А теперь грибочки отведайте, пока не остыли, и непременно с пирожком. Ну как, неплохо?.. А позвольте мне вам ещё налить рюмочку натуральной, а уж под супчик и под горячее будем пить водочку на травах.

– У себя на родине я никогда ни пил столь обильно, – сказал заметно захмелевший Шлиппенбах. – У нас во всём соблюдается размер и порядок.

– Понятное дело, где уж вам выпить, как следует, – сочувственно произнёс Дудка. – Вы привыкли загадывать наперёд: всё-то у вас выверено, всё рассчитано. Не понимаете вы настоящего течения жизни: вам бы плыть по прямой, да по прямой, соизмеряя скорость движения с величиной потока и о каждом его повороте зная заранее. Милой мой Иоганн Христофорович, разве это жизнь? Это её схема, пусть искусная и тонкая, но схема. А жизнь в линии да расчёты не заключишь: уйдёт, ей-богу, уйдёт, как вода меж пальцев! Мы же в России привыкли к крутым поворотам и бурному течению жизни, нам загадывать наперёд не приходится: уж куда вынесет, туда и вынесет. Мы полагаемся на авось.

– Объясните мне, будьте любезны, что такое «авось»? – взмолился Шлиппенбах. – Я часто слышу в России «авось», но так и не сумел вникнуть.

– Охотно объясню, – согласился Дудка. – Вот только выпьем под кулебяку и под соляночку, и объясню.

– Боюсь, что мне достаточно, – попытался отказаться Шлиппенбах. – У меня кружится голова.

– Это потому что не допили. С каждой следующей рюмкой, – да под супчик, да под жаркое! – вам будет легче и легче. Ну-ка, где ваша рюмочка? Позвольте наполнить... За ваше здоровье, господин Шлиппенбах!

– Благодарю вас, – обреченно сказал Иоганн Христофорович и выпил вслед за капитаном.

– Знаю я ваши иностранные замашки, – усмехнулся Дудка, разрезав огромную кулебяку пополам и положив один её кусок себе, а второй Шлиппенбаху. – Сперва ломаетесь, – я, де, столько не выпью, я, де, столько не съем, – а потом приходится добавлять. Настрадаетесь, бедные, в своей Европе, так хоть в России душу отведёте...

Вы изволили интересоваться, что означает «авось»? Оно в чём-то сродни «кузькиной матери», только «кузькину мать» показывают, а на «авось» надеются, и в том видна великая мудрость русского народа. Один древний мудрец всю жизнь размышлял, чтобы сказать: «Я знаю, что я ничего не знаю». Но коли знания нас подводят, а будущее непредсказуемо, и часто – очень часто! – не зависит от нашей воли, то не лучше ли положиться на судьбу? Наш русский мужик дошёл до этого своим умом: «авось» как раз и означает смирение перед судьбой и, в то же время, упование на милосердие Божие. Ну, не мудро ли это, скажите, Иоганн Христофорович?

– Но как же жить без никакой заботы о будущем? Если вы сегодня не построите себе дом, то завтра вам не будет где жить, а если вы построите его плохо, то завтра он упадёт, – удивлённо возразил Шлиппенбах.

– Это по-вашему, по-немецки так выходит, а по-нашему, по-русски – лучше прожить сегодня, чем ждать завтрашнего дня, который ещё наступит ли, бог весть. Так мы и живём, и как видите, ничего, не погибаем, – подмигнул Дудка и вновь наполнил рюмки. – Выпьем, драгоценный мой Иоганн Христофорович, за великую русскую идею, за наше русское «авось», потому что, думается мне, счастлив именно тот, кто живёт днём сегодняшним, а не завтрашним.

Кстати, по пути к вам, в Павловск, я помог княгине Милославской вылезти из её рыдвана, – ну, вы знаете, какие наши дороги, рыдван перевернулся, колесо отлетело, ось вдре-

безги, – так она приказала кучеру кое-как всё это приладить и была намерена ехать дальше. «Как же вы поедете, ваше сиятельство?» – спрашиваю я. «Эх, милый мой, – отвечает она, – авось доеду как-нибудь! Я уже десятый десяток разменяла, пятерых царей пережила и знаю, что в России кроме как на авось надеется не на что. Сколько раз мы могли погибнуть, и я, и Россия, а вот, живы! Авось и дальше поживём».

– Загадочная страна, – заплетающимся языком пробормотал Шлиппенбах. – Так жить нельзя, но вы живете... Ах, как мне хочется на Родину!

– Выпьем и за вашу Родину, – подхватил Дудка. – Эх, кабы соединить вашу немецкую рассудочность с нашей русской мудростью, вот славно бы вышло! Впрочем, тогда и России не стало бы... Ну что, допьём графинчик, и к девицам? Нет, нет, не спорьте, любезнейший Иоганн Христофорович, без этого никак невозможно, этим у нас и государь не брезгует... А один мой знакомый, тамбовский помещик, придумал, шельмец, «ловлю русалок»: соберёт девок со своих деревень, нарядит их русалками, запустит в пруд и сетями вылавливает. Девки кричат, визжат, а не противятся барской затее; вроде бы даже довольны. Русские девки в душе язычницы: им нравится буйное веселье Вакха и Венеры, а трезвых да степенных мужиков они не жалуют: благо, что таких у нас по пальцам перечесть.

– Не есть возможно, не есть возможно! – вскричал Шлиппенбах. – Моя супруга, моя Амалия...

– Да забудьте вы о ней на время! – прервал его Дудка. – Разве ей плохо будет, если вы немножко развлечётесь, встряхнётесь, молодость вспомните? Да она и не прознает про ваши шалости, вы же официально числитесь на государственной службе, по делу в Петербург призваны. Едем, едем, Иоганн Христофорович! Я вам такую чернооую красавицу представлю, что всю жизнь благодарить меня станете!

* * *

После опроса рабочих на стройке Исаакиевского собора следствие по делу о хищении Медного всадника зашло в тупик. Никто не видел, как памятник унесли с пьедестала, никто не был причастен к воровству, а Медного всадника всё же не было на месте.

– Ах, боже мой, что мы доложим государю! – восклицал донельзя расстроенный обер-полицмейстер. – Что делать, что делать?

– Погодите вы отчаиваться, – утешал его Верёвкин, – следствие только началось.

– Но куда же он делся, чёрт его возьми?! – не унимался Кокошкин. – Послушайте, – вдруг сказал он, ударив себя в лоб, – а не ускакал ли он сам по себе, то есть своей волею?

Верёвкин с недоумением поглядел на обер-полицмейстера.

– Ведь покойный поэт Пушкин описал, как Медный всадник скачет в ночи, – сказал Кокошкин. – А может быть, сие не аллегория, а может быть, Пушкин видел это и потому обозначил в своей поэме?

– Право не знаю, что вам ответить, – пожал плечами Верёвкин. – Но если бы Медный всадник по ночам разъезжал по улицам Санкт-Петербурга, жандармам об этом было бы известно.

– «Есть многое на свете, друг Горацио, что непонятно нашим мудрецам», – решил блеснуть учёностью обер-полицмейстер. – Господин полковник, сделайте для меня одолжение, прошу вас: тут неподалёку проживает ясновидящая, по имени Акулина, – не съездить ли нам к ней? Прощу вас, съездим: на всякий случай, как вы говорите.

– Пустая трата времени, – отрезал Верёвкин. – Ясновидящие состоят на секретной службе. Можно просто вызвать вашу Акулину к нам, если хотите.

– Чего вызывать, когда она рядом?.. Поедем? Для очистки совести.

– Хорошо, едем, – нехотя согласился Верёвкин. – Только из уважения к вам, ваше превосходительство.

– Вот и славно! – обрадовался Кокошкин. – Вы не подумайте, она не ведьма, а вполне православная верующая женщина. У неё полон дом икон, она в церковь ходит, молится и все посты соблюдает.

– Прекрасно, – кивнул Верёвкин. – Едем.

...Акулина относилась к тому распространённому на Руси типу православных христиан, что верили и в Бога, и в чёрта, и в осиноый чурбан. С одной стороны, она знала и почитала всех святых, не пропускала ни одного церковного праздника, чтילה все положенные в православии обряды и установления, а с другой стороны, занималась ворожбой, приворотом, гаданием, отводила сглазы и заговаривала болезни. В её доме стены действительно были увешаны иконами снизу доверху, но тут же стояли предметы, необходимые для чародейства и колдовства.

Приходящих к Акулине страждущих и вопрошающих ничуть не смущало такое несоответствие, потому что оно было в порядке вещей в русской православной вере. Каждый из святых и мучеников наделялся в ней ответственностью за определённые события в жизни людей. Были святые, помогающие от зубной боли или спасающие от хромоты, были божьи заступницы, оказывающие помощь при женских болезнях, были великомученики, преодолевающие мужскую слабость, а ещё десятки святых были способны помочь в сердечных делах, в поиске пропавших вещей, в защите от конокрадов, в преумножении богатства, в покупке домашнего скота, в исцелении от икоты, в поиске кладов – одним словом, во многом, из чего состоит жизнь человека.

Языческие народы молились в схожих обстоятельствах каменным и деревянным идолам, костям медведей и лошадей, бараньим кишкам и черепам козлов, но православные христиане с презрением отвергали эти ложные обряды. Глупо было молить о помощи, обращаясь к камню, кости или дереву, но если дереву, к примеру, придавался руками человека лик святого, молитва получала действенный характер.

...Нежданных гостей Акулина встретила настороженно, её взгляд остро впился в них; не найдя опасности, она спрятала глаза под опущенными ресницами и поклонилась вошедшим.

– Здравствуй, Акулина, – сказал Кокошкин, крестясь на большой образ Спаса в красном углу горницы. – У тебя никого нет? Хорошо. Дело, по которому мы пришли, следует хранить в глубочайшем секрете.

– На каждый роток не накинешь платок, – отвечала Акулина.

– Это ты брось, – строго произнёс полковник Верёвкин. – Говорят тебе, дело секретное, государственное. Какой ещё платок?

– Бог на небе, царь на земле, а тайна во мне, – пробормотала Акулина. – Царь правит, боярин ему помогает, а народ живёт и ухом не ведёт. А гостям мы рады, за стол сажаем, пирогами угощаем.

– Некогда нам за столом рассиживаться, – отмахнулся Кокошкин. – Вот разве что наливочкой своей попотчуеться, так не откажемся. Она славно наливки делает, – обернулся он к Верёвкину, – чёрт её знает, что она туда намешивает, но как выпьешь, тепло по каждой жилочке пробегает, в душе восторг, а в сердце – радость.

– Благодарю, я не буду, – сухо отказался Верёвкин.

– Напрасно, – сказал обер-полицмейстер, принимая от Акулины рюмку. – Ох, славно, экая благодать! Не удержусь от второй: налей-ка мне, матушка!

– Вы за этим сюда приехали? – сердито шепнул ему Верёвкин.

– Одно другому не мешает, – возразил Кокошкин. – А приехали мы вот зачем, – выпив вторую рюмку, сказал он, – пропажа у нас, матушка, великая пропажа, так не поможешь ли сыскать?

– Тать крадёт в ночи, а мы ищи, – ответила Акулина. – Сидел молодец на коне в богатом седле, а пришла пора – ни коня, ни седла.

– Во даёт! – восхитился Кокошкин. – Ей всё ведомо, а вы сомневались.

Полковник Верёвкин презрительно усмехнулся.

– Пока коня искали, молодца потеряли, – прибавила Акулина, – Надо молодца найти, свою голову спасти.

– Ты не рассуждай, а говори, что тебе известно, – прервал её Верёвкин. – Как ты смеешь лезть тут с рассуждениями!

– Господин полковник, прошу вас, – слегка тронул его за рукав обер-полицмейстер. – Значит, украли молодца? – спросил он Акулину. – А сам он не мог того... Ускакать?

– Волк по лесу рыщет, добычу себе ищет, – ответила она.

Кокошкин с недоумением посмотрел на неё:

– И что сие означает?

– А богатырь скачет, – не тужит, не плачет, – продолжала Акулина.

– Ты можешь объяснить внятно? – сказал Кокошкин.

– Погуляет – вернётся, тут и пропажа найдётся, – отвечала Акулина.

– Да когда он вернётся-то? Вот дура-то, терпежу с тобой нет! – вспылil Кокошкин.

– Поехали отсюда, ваше превосходительство, вы же видите, что это бесполезно, – холодно улыбнулся Верёвкин.

Акулина взяла какой-то горшок с полки, бросила в него щепотку пахучего порошка и опустила свечу горящим концом вниз. Раздался негромкий хлопок, из горшка повалил густой дым, который в одну минуту окутал всю комнату.

– О боже! – закашлялся обер-полицмейстер. – А это ещё к чему?

– Господи Иисусе, прости грехи наши, дай зрение непреходящее, настоящее, – истово крестясь, заголосила Акулина. – Моя доля, а твоя воля; дай ответ, а нет, так нет!

– Балаган, – процедил Верёвкин.

– Тише, прошу вас, – снова тронул его за рукав обер-полицмейстер. – Это она в нужное состояние входит, сейчас вещать начнёт.

Акулина замерла, напряглась, голову её повело набок, руки задрожали и по телу прошла крупная дрожь.

– Вижу большое на большом, – сквозь силу выдавила она, – а малое к нему не приближайся. Кто в силе, тот и силу имеет, а кто не в силе, у того силы нет. Где много греха, там плата велика; большому греху – место вверху. Господи, прости, неразумных отпусти!

Акулина вдруг пронзительно закричала, упала на пол и забилась в припадке, на её губах показалась пена. Выгнувшись несколько раз и продолжая вскрикивать, она замычала что-то невнятное.

– Недоставало нам с припадочной возиться, – сказал Верёвкин, брезгливо глядя на неё.

– Ничего, ничего, – произнёс Кокошкин, наливая себе третью рюмку, – скоро она очухается... Ну-с, а мы можем ехать. Ведь она нам умную мысль подала, господин полковник. Мы не там ищем, где следует: для того чтобы увести памятник, надо иметь большие возможности: нужны кони, люди, повозки и прочие необходимые предметы. К тому же, как его провезти незаметно? Да никак! Кто-нибудь непременно увидел бы, а уж про своих полицейских я не говорю: хоть они лодыри и пьяницы, но службу справляют. Им надо много дать на лапу, чтобы они закрыли глаза на такое безобразие, значит, тот, кто увёз Медного всадника, деньги имел в достаточном количестве. А возможно, что он человек влиятельный и они его боятся, иначе кто-то из них обязательно проговорился бы – мне ли не знать свою полицию!

– Вы теперь не думаете, что памятник ускакал сам собой? – с иронией спросил Верёвкин.

– До конца исключить это предположение пока нельзя. Но вы правы: если бы он проскакал по улицам, в городе поднялся бы большой переполох. Мы знали бы уже об этом, а так... – Кокошкин развёл руками. – Ну, что же мы стоим? Едем, господин полковник, дело не ждёт!

Часть 3

Высшие интересы

Иоганн Христофорович Шлиппенбах едва выжил после учинённой Дудкой попойки. В первый день он не мог подняться с постели, а перед его глазами мелькали жуткие сцены, в которых он, Шлиппенбах, выделял невероятные вещи в компании полуголых девиц. Он и сам был полуголый, а временами совсем голый, и тогда девицы поливали Иоганна Христофоровича шампанским, намазывали икрой и кушали прямо с его тела. Это было очень весело; штабс-капитан Дудка, к тому же, наигрывал марш на фарфоровом кувшине и в ритм стучал ногой по невесть откуда взявшемуся медному тазу.

От этих воспоминаний Шлиппенбаху становилось плохо, но ещё хуже было, когда в похмельном бреду перед ним представала черноглазая девушка Мария, «Маша», чей взор был зовущим и сладким. Он завлекал бедного Иоганна Христофоровича в ад, но падение в бездну было настолько приятным, что за него не жалко было пожертвовать спасением души. При мыслях о Маше мороз пробегал по коже Шлиппенбаха, и Иоганн Христофорович вздрагивал, шепча слова молитвы. Ах, если бы его жена Амалия узнала, что вытворял вчера её муж, она бежала бы без оглядки от своего развратного супруга, и была бы права, ибо такому поведению нет оправдания – *derart Benehmen nicht hat Freisprechung!* Мой Бог, что за страна, порядочному человеку здесь не выжить! – стонал Иоганн Христофорович.

Он категорически отказался от еды, а когда гостиничный слуга принёс рюмку водки для «опохмела», Шлиппенбаха едва не вывернуло наизнанку. Лишь прибегнув к испытанному русскому средству для избавления от последствий неумеренного потребления вина, – а именно «рассолу», жидкости, полученной от соленых огурцов, – он почувствовал себя немного лучше. Коридорный продолжал уговаривал Иоганна Христофоровича всё-таки принять рюмочку «для восстановления души» (о, великий Бог, пить водку для восстановления души – *Schnaps für Geist!*), и в конце концов уговорил. Выпив, Шлиппенбах действительно ожил и даже поел жирных щей с говядиной, заботливо доставленных сердобольным коридорным.

Угрызения совести и отвращение к самому себе странным образом покинули Иоганна Христофоровича, и он принялся думать о своём задании. Минуло уже два дня, а Шлиппенбаха никто не хватил: может быть, надобность в нём отпала и надо ехать домой? Вскоре, однако, курьер доставил Иоганну Христофоровичу конверт с приличной суммой в ассигнациях и припиской от графа Ростовцева. Граф благодарил господина Шлиппенбаха за согласие работать и просил прибыть завтра поутру к десяти часам в Главный штаб. Иоганн Христофорович так и не понял, за что получил деньги: в качестве аванса за будущую работу или в награду за приезд из Павловска в Петербург? Получить деньги за поездку в двадцать пять вёрст – такое предположение было бы абсурдным в Германии, но в России всё могло стать... .

Ровно в десять часов он явился в Главный штаб. Шлиппенбаха отвели в просторную комнату с большим портретом императора Николая, с книжными шкафами, двумя письменными столами, диваном, кушеткой и маленьким столиком, украшенным красивой мозаикой. На этот столик поставили кофейник, молоко, сливки, сахар, свежие булочки, масло, печенье, пирожки, лососину, буженину, холодную телятину, большой графин с водкой и графинчик с карамельным ликером. Приборы и чашки ставить было уже негде, поэтому их разместили на одном из письменных столов, попросили извинения за неудобство и предложили закусить и выпить покамест – что, интересно, означает «покамест», подумал Иоганн Христофорович.

Ждать пришлось долго: часы пробили одиннадцать, двенадцать, час, два, и только в третьем часу пополудни в комнату вошел улыбающийся граф Ростовцев, а вместе с ним господин приятной внешности с бакенбардами на пухлых щеках.

– А, вы уже здесь! Вот что значит немецкая пунктуальность! – воскликнул граф, подавая руку Шлиппенбаху. – Очень рад вас видеть. Позвольте представить нашего известного писателя и журналиста, острейшее перо России – Фаддея Венедиктовича Булгарина.

– Очень рад, – сказал Иоганн Христофорович, здороваясь с Булгариным.

– Я счастлив, что судьба свела меня с вами, – ответил Булгарин. – Слухи о вашей учёности давно будоражат нашу северную столицу. Мы с нетерпением ждали вашего приезда.

– О, я не полагал, что есть знаменит, – с недоумением проговорил Шлиппенбах. – Мне казалось, меня мало знают в Петербурге.

– Помилуйте, Иоганн Христофорович, вас все знают! – вскричал Булгарин. – Когда я собирался сюда, жена мне прямо так и сказала: «Как я тебе завидую, что ты увидишь нашу знаменитость, нашего несравненного Иоганна Христофоровича! Как бы я хотела посмотреть на него хотя бы одним глазком».

– Вот и отлично, что вы наконец познакомились, – произнёс довольный граф. – Надеюсь, вы станете приятелями, и это поможет тому делу, ради которого я вас позвал. Господа, вам предстоит в наикратчайший срок создать произведение, достойное вашего гения! Близится годовщина Бородинской битвы, знаменательного события в славной войне 1812 года, которую государь повелел именовать Отечественной. К этой дате приурочено множество различных начинаний, между тем, мы не имеем произведения, в котором подвиг российского народа, объединившегося в священный порыве вокруг царя во имя спасения Отечества, получил бы должное описание. Равно как и иные подвиги, коим несть числа в нашей истории, не получили до сих пор надлежащей огласки в книгах, потребных широкой читательской публике, но, особенно, пригодных для воспитания юношества в духе патриотизма. Великий князь Михаил Павлович изъявил крайнюю озабоченность этим обстоятельством и довел своё мнение до государя, который полностью согласился с ним и повелел восполнить сей досадный пробел.

Господа, вы должны сделать это! Ваши глубокие познания, Иоганн Христофорович, и ваше талантливейшее перо, Фаддей Венедиктович, обязаны объединиться, дабы сотворить шедевр исторической мысли, однако же облечённый в простую, доступную для обучения юношества форму. Сам государь, – граф указал на портрет на стене, – придаёт этому важное значение. В наш век легкомыслия и вольнодумства необходимо с детских лет прививать подрастающему поколению уважение к Отечеству, к помазаннику божьему, призванному управлять им, к нашим традициям, которые утверждались сотни лет.

Господа, я убеждён, что вы оправдаете высокое доверие государя! Я верю в вас, господа, – граф оглядел вытянувшихся перед ним Шлиппенбаха и Булгарина. – Засим, я вас оставляю. В самое ближайшее время вы получите подробный план работы. Трудитесь, вам никто не будет мешать, напротив, вам окажут всю необходимую помощь.

Он коротко поклонился и вышел.

– Да, попали мы с вами, как куры в ощиц, – протянул Булгарин, едва за графом закрылась дверь. – Одно хорошо – платят прилично. Вы уже получили жалование?

– Так есть, – кивнул Иоганн Христофорович.

– Сколько?

– Это не тема для разговора.

– Экий вы скрытный!.. Однако дело нам предстоит тяжёлое: история-то российская, она ведь и так, и эдак может быть истолкована, а нам нужно попасть в копеечку. Вот господин Кукольник сочинил про 1812 год пьесу «Рука Всевышнего Отечество спасла». Была поставлена на сцене Александринки в бенефис известного актёра Каратыгина и одобрена государем-императором. Кукольнику слава, почёт и деньги – как бы и нам таким образом книгу сочинить.

– Я привык иметь опору на истину, – сказал Иоганн Христофорович.

– Эх, господин Шлиппенбах, истин много, а нам надо выбрать ту, из которой можно сапоги сшить, – возразил Булгарин. – О, я смотрю у вас тут водочка и закуски! Вы позволите?.. А то когда ещё обед принесут...

* * *

Решив искать следы кражи в высших кругах петербургского общества, Кокошкин и Верёвкин оказались в затруднительном положении. С простонародьем было проще: подозреваемому можно было пригрозить поркой и тюрьмой, накричать на него, побить, в конце концов, но как быть с человеком, занимавшим видное положение в обществе? Такие способы здесь явно не годились: иные из тех, кого можно было заподозрить в краже, сами, пожалуй, накричали бы на обер-полицмейстера и полковника и пригрозили тюрьмой, разве что не побили бы, да и то...

Как быть, если подозреваемый в краже имел влияние и власть – как с ним обходиться?.. И тут Верёвкину пришла в голову отличная идея:

– А не поехать ли нам к Клеопатре Петровне? – сказал он.

«Голова», – подумал Кокошкин, с уважением глядя на него, и тут же согласился на это предложение.

Клеопатра Петровна Клейнмихель, жена государева любимца, не зря носила имя египетской царицы: она заправляла многими делами в России не только ничуть не хуже, чем её великая тезка в своё время в Египте, но, без сомнения, даже лучше.

Клеопатру Египетскую сгубила женская слабость к любви и невнимание к делам государства, а Клеопатра Клейнмихель была настоящим государственным деятелем. Все знали, например, что её муж не берёт взятки, и это было большой редкостью – в России были только четыре высших чиновника, не принимающие подношений: во-первых, губернатор Писарев, совершенно охладевший к жизни и, к тому же, самый богатый из всех губернаторов; во-вторых, Муравьев, входивший когда-то в общество, которое подняло мятеж при восхождении государя на престол, прощённый Николаем Павловичем и зарёкшийся с тех пор как-либо нарушать закон; в-третьих, Радищев, сын небезызвестного сочинителя и вольнодумца, воспитанный в духе идеализма. А четвёртым был Клейнмихель, который по роду своей деятельности имел отношение к большим деньгам, но даже не знал, как выглядят денежные знаки.

Вокруг Петра Андреевича кормились сотни людей, его состояние тоже неуклонно росло, однако он не представлял, каким образом богатели все эти люди и он сам. Зато его жена очень хорошо знала, как действует существующая в России система. На Западе государство со времен Перикла и Катона держалось на законе; находились, разумеется, нарушители закона, но это исключение лишь подтверждало общее правило. Для России законы были гибелью: непредсказуемое течение русской жизни не поддавалось законной регламентации. Когда князья, цари или императоры пытались заключить эту реку жизни со всеми её подводными потоками и неожиданными устремлениями в гранитные берега законов, либо вода начинала иссыхать, либо река рушила и сносила ограждения.

Клеопатра Петровна Клейнмихель. Фотопортрет

Клеопатра Петровна Клейнмихель имела огромное влияние при Николае I. Рано овдовев, она вышла замуж за П.А. Клейнмихеля, любимца императора. Резкий с подчиненными Клейнмихель дома становился кротким агнцем, готовым часами выслушивать рассказы жены и в точности исполнять её поручения. В дом Клеопатры Петровны часто приезжала и её род-

ственница Варвара Нелидова, которая семнадцать лет была главным увлечением императора Николая. Ходили слухи, что Клеопатра Петровна принимала в свою семью незаконнорождённых детей императора.

Каждый русский человек понимал, что, не нарушив ни одного закона, в России прожить нельзя, поэтому, когда к власти приходил правитель, требовавший неукоснительного соблюдения законов, во всех слоях народа слышались стоны и мольбы об избавлении. Некоторые из правителей оставались глухи к этим мольбам и, пытаясь, всё-таки, заставить русских людей исполнять законы, прибегали к двум испытанным методам: во-первых, создавали новые законы, призванные дополнить и расширить старые, а во-вторых, назначали новых исполнителей и контролёров, которые должны были следить за прежними исполнителями и контролёрами.

Беда, если такими новыми исполнителями становились выходцы с Запада – они, всерьёз полагая, что Россия должна жить по закону, причиняли страшный вред стране. Но, к счастью, в большинстве случаев на место старых русских контролёров приходили пусть и новые, однако тоже русские контролёры. Впитав с молоком матери убеждение в том, что в России по закону жить невозможно, подкрепив это убеждение собственным жизненным опытом и будучи по характеру людьми вовсе не злыми, русские контролёры легко допускали нарушения законов, но, конечно, не без выгоды для себя. Такие отношения всех устраивали, ведь если бы контролёры не брали мзду, то есть всегда и во всём требовали исполнения законов, жизнь в России прекратилась бы.

Клеопатра Петровна прекрасно осознавала это, и по сей причине дела её мужа шли превосходно: она знала, сколько с кого и по какому случаю взять, чтобы дело не застопорилось. Оставаясь в полном неведении относительно тайных пружин своего успеха, Пётр Андреевич приписывал эту заслугу исключительно себе и говорил об усердии, которое всё превозмогает. Государь также был доволен Петром Андреевичем и ставил его за образец для прочих чиновников, правда, была ещё одна причина расположения Николая Павловича к Клейнмихелю.

Государь был неравнодушен к женскому полу: пышные плечи, роскошная грудь, кокетливо вздёрнутая головка, влажный и томный взгляд вызывали у него волнение в сердце. Будучи примерным семьянином и заботливым отцом, Николай Павлович не видел в то же время ничего зазорного в ухаживании за девицами и дамами, и даже в интимной близости с ними не усматривал большого греха. В свою очередь, особы, удостоенные его вниманием, также не видели греха в близости с царём, более того, отказ от неё вызывал возмущение не только Николая Павловича, но и близких дамы или девицы, удостоенной его вниманием. Помимо того, что внимание государя уже само по себе возвышало в свете избранную даму, её отец, братья или муж получали награды, продвижение по службе и прочие царские милости.

Государь заботился и о детях, рождённых его любовницами: многие из них удостаивались титулов и званий, им выделялось состояние, а некоторые из них определялись на воспитание в семье приближённых царских сановников. Клеопатра Петровна Клейнмихель была известна в высшем свете как усыновительница незаконнорождённых отпрысков его императорского величества: в семье Клейнмихелей было семеро детей, что придавало дополнительный вес супругам в петербургском обществе.

...Клеопатра Петровна встретила Кокошкина и Верёвкина так, будто давно ждала.

– Мы с господином обер-полицмейстером приехала к вам, чтобы засвидетельствовать своё почтение и выразить... – начал было Верёвкин заготовленную речь, целую ручку Клеопатре Петровне.

– Знаю, знаю, украли Медного всадника! Что за времена, что за нравы! – оборвала его Клеопатра Петровна, выдёргивая руку и наскоро подставляя её для поцелуя Кокошкину. – А всё Пушкин с его пагубным влиянием: от Пушкина все беды России – и воровство, и пьянство,

и разврат! Как его терпел наш государь, не понимаю – Николай Павлович это ангел, просто ангел! – но порядочные люди Пушкина не любили и не могли любить. Некоторые считали его возмутительные выходки остроумными, но, по-моему, Пушкин был груб и вульгарен, un ouïs mal léché.

– Однако же Пушкин мёртв и теперь... – решил возразить Кокошкин.

– Так что же, что мёртв! – не дала ему продолжить Клеопатра Петровна. – Сам под пулю подставился, смерти искал, мучимый угрызениями совести. Мне жаль Жоржа Дантеса: какой приятный молодой человек, хорошо воспитанный, с учтивыми манерами! Лучшего друга семьи Пушкину было не найти, прекрасный был визави для Натали Гончаровой. Пушкину следовало радоваться, что Дантес удостоил её своим вниманием. Она хоть и красавица, но если говорить откровенно – *arpeleg un chat un chat* – у неё никогда не было ни ума, ни воображения. Да и то сказать, дед её был пьяница, бабник и мот, отец – пьяница и безумен в буквальном смысле слова; мать – женщина низкого поведения. Натали если в чём и понимала, то лишь в деньгах: вы, конечно, помните, господин обер-полицмейстер, судебный процесс Гончаровых против арендатора их имения? *Quand le foin manque, les chevaux se battent* – когда сена не хватает, лошади дерутся. Натали показала мёртвую хватку, куда там нашим стряпчим! За каждую копейку судилась, и ведь отсудила всё, что можно было, в свою пользу.

А заведёшь с ней разговор, скажем, о литературе – молчит и пленительно улыбается; о живописи – молчит и пленительно улыбается; о театре – молчит и пленительно улыбается; о музыке – молчит и пленительно улыбается. В конце концов, встанешь да уйдёшь от неё – сколько можно смотреть на эту улыбку Моны Лизы?.. Отличная была пара для Пушкина: его в свете обезьяной звали за ужимки, а она недвижимая, как истукан!..

Жили они на подачки от государя: у Пушкина не было ничего, у неё – тоже. Брал он её бесприданницей: потому за него и выдали, что о хорошей партии нечего было и мечтать. А чтобы соблюсти приличия, он дал в долг теще 11 тысяч рублей, заложив своё имение – эти-то 11 тысяч она ему и вручила якобы в качестве приданного. Но у Пушкина разве деньги надолго задержатся: как появляются, он их тут же в карты проигрывает, заядлый был картёжник. А семья растёт, детей Натали одного за другим рождает, и если бы не помощь государя, впору ей было с детьми на паперть идти, милостыню просить.

Надо ли после этого удивляться, что Пушкин бесился из-за пустяков! Начал Жорж Дантес за Натали ухаживать – так радуйся, она уже шестой год в браке, пора другом дома обзавестись. Жорж был такой милый, такой обаятельный, они с Натали отлично смотрелись. Она, следует отдать ей должное, Жоржа оценила по достоинству и была с ним очень-очень любезна, но Пушкин вспыхнул, как ракета. Вдобавок ему пасквиль подкинули, так наш пиит готов был всех и каждого убить.

Жорж, благородный человек, женился на сестре Натали, на Екатерине, чтобы утихомирить Пушкина – не помогло! Государь имел беседу с этим безумцем, убеждал его остепениться и вести правильную жизнь – тоже не помогло. Грехи и тёмные страсти Пушкина толкали его на преступление; *un voleur de une maille non enfuit* – вор от петли не убежит. Одержимый дьяволом он жаждал смерти: своей ли, чужой ли, всё равно...

Натали сейчас в деревне: сбежала подальше от пересудов, даже со свёкром не повидалась – ну, да у неё утешители найдутся! Слыхала я, что Пётр Ланской, друг и однополчанин Жоржа Дантеса, весьма к ней расположен, впрочем, хуже, чем с Пушкиным, ей ни с кем не будет...

– Однако мы приехали... – снова попытался сказать Кокошкин.

– Да, Медный всадник! – подхватила она. – От Пушкина все беды, от Пушкина! Он в своей поэме изобразил, как Медный всадник покинул своё место, и вот вам, пожалуйста! Но что у нас в России творится, вы подумайте: памятник Петру Великому – и тот утащили! А недавно разворовали средства, собранные на монумент, который хотели поставить на месте Мамаева побоища. 380 тысяч рублей было собрано на памятник в честь победы над Мамаем,

ибо прошло уже более четырёхсот лет, а памятника поставить не удосужились. По велению государя наш великий живописец Брюллов придумал превосходный проект; отливки из чугуна были уже сделаны и перевезены в Тульскую губернию. Но тут выяснилось, что на памятник осталось лишь 60 тысяч рублей, а куда девались еще 320 тысяч, неизвестно. В итоге, на Куликовом поле поставили простой чугунный столб, а от брюлловского проекта пришлось отказаться – *une histoire voicі rareille*.

– Помню эту историю, многие тогда ходили под подозрением, – сказал Кокошкин, вильнув глазами.

– Мы приехали к вам, Клеопатра Петровна, за помощью, – вступил в разговор Верёвкин. – Кто, как не вы, знает людей высшего света со всеми их слабостями. Дело в том, что следы кражи ведут, увы, в высший слой общества; мы в этом принуждены были убедиться. Так не поможете ли вы нам определить, уважаемая Клеопатра Петровна, к кому нам следует направиться?

– Я могла бы сразу назвать вам имя того, кого можно заподозрить, – ответила она, – но прежде вам надо явиться к государю, дабы испросить его соизволения на действия в отношении высокопоставленных лиц.

– Видите ли, Клеопатра Петровна, нам было бы не желательно пойти к государю сейчас, когда результаты следствия ещё не определены, – сказал Верёвкин.

– Я понимаю вас, полковник, – кивнула Клеопатра Петровна. – Вы правы, незачем сейчас расстраивать государя: у него железная воля, но чувствительное сердце. Давайте поступим так: я попрошу мужа, чтобы он испросил у государя требуемое разрешение, а после сообщу вам.

– А можем мы повидать его высокопревосходительство? – спросил Верёвкин.

– Нет, нет, нет! – затрясла головой Клеопатра Петровна. – Пётр Андреевич отдыхает, его нельзя тревожить, у него так много важных дел. Я передам ему вашу просьбу и уверена, что он её исполнит.

– Вы воплощение доброты, мадам, – поцеловал ей руку Верёвкин.

– Простите нас за беспокойство, – в свою очередь приложился к её руке Кокошкин.

– Ах, судари мои, я привыкла жертвовать собою для России! *Tel ma règle!* – воскликнула Клеопатра Петровна, прощаясь с ними.

* * *

Как и предупреждал Шлиппенбаха штабс-капитан Дудка, приказ о срочном выполнении важного правительственного задания вовсе не означал, что с выполнением этого задания надлежало спешить. Прежде всего, Шлиппенбаху и Булгарину следовало получить утверждённый графом Ростовцевым план работы, но этот план они до сих пор не увидели. Зато Шлиппенбах и Булгарин получали в Главном штабе полное продовольственное обеспечение, включая горячительные напитки – и решительно ничего не делали. Иоганн Христофорович беспокоился на этот счёт, но Булгарин, обрусевший литовский поляк, воспринимал происходящее с философской беспечностью.

Русские сломя голову несутся вскачь, но запрягают очень медленно, говорил он Шлиппенбаху. Вспомните генерал-фельдмаршала князя Кутузова: приняв армию в 1812 году, он не спешил сразиться с Наполеоном, тянул время и отступал в глубь страны. Наполеона изводила эта тактика (поверьте мне, я был в рядах французов, прибавлял Булгарин), он рвался в бой и проклинал медлительность русского полководца. Наконец армии сошлись у Бородина – и что же? Кутузов, неплохо сразившись в первый день, во второй, ни с того, ни с сего, ушёл с поля битвы, а затем покинул Москву, даже не попытавшись её защитить. Встав в шестидесяти верстах от города, он почти два месяца ничего не предпринимал, не вёл военных действий, но и не заключал мира.

Как можно иметь дело с человеком, который ничего не делает, спрашивал Булгарин? Наполеон никогда ещё не сталкивался с подобной тактикой, впрочем, в России он тоже никогда до этого не бывал.

К тому же, русские крестьяне, поощряемые российским правительством, нападали на французов, грабили и убивали их, В конце концов, в эту драму вмешался русский мороз, который окончательно истощил терпение Наполеона и вынудил его покинуть Россию. Кутузов сделался спасителем Отечества, но истинным героем по праву следовало бы признать русскую медлительность.

Иоганн Христофорович морщился от рассуждений Булгарина. Угнетаемый бездействием, дармовым жалованием и обильной кормёжкой Иоганн Христофорович чувствовал сильное физическое недомогание и хотел скорее приняться за дело. Но этот день, как и предыдущий, прошёл впустую; в шестом часу пополудни, убедившись, что сегодня уже никто не принесёт необходимого для работы плана, Иоганн Христофорович отправился к себе в гостиницу. Булгарин предлагал ему весело провести где-нибудь вечер, он наотрез отказался; но поскольку человеку не дано предугадать свою судьбу, Шлиппенбах до гостиницы всё-таки не доехал: по дороге его перехватил штабс-капитан Дудка.

– Ба-а-а, Иоганн Христофорович! – закричал Дудка, остановив извозчицкую пролётку, на которой ехал Шлиппенбах. – Ваша служба на сегодня закончена? Вот и славно: кончил дело, гуляй смело!

– Я не знаю, где есть моё дело, – мрачно проговорил Шлиппенбах.

– Ну-у-у, Иоганн Христофорович: чем вы занимаетесь, за что вам деньги платят, то и есть ваше дело, – беспечно возразил Дудка. – Если и ничего не делаете, но за это платят, то считайте, что всё равно делом заняты... А не поехать ли нам к Маше? Не забыли свою чернооую красавицу?

– О, нет! – взмолился Шлиппенбах. – Невозможно. Я помню прошлый раз...

– И хорошо, что помните, – перебил его Дудка, – значит, есть что вспомнить. Давай, любезный, разворачивай к Аничковому трактиру, а далее покажу, – приказал он извозчику, усаживаясь на пролётку.

– Да нешто я не знаю, где девицы живут, – обиделся извозчик. – Эх, барин, кого я туды только не возил... А ну, Сивка, покажь пруть! – подстегнул он коня.

– Нет, нет! – слабо пытался сопротивляться Шлиппенбах.

– Полно, Иоганн Христофорович, ловите момент, – Дудка дружески похлопал его по плечу. – Вы же хотели понять русскую душу, а она преотличнейшим образом открывается в весёлом доме.

... Маша пела под гитару русский романс. Половину слов Иоганн Христофорович не разобрал, но понял, что в романсе речь шла о роковых обстоятельствах, разлучивших два любящих сердца. В Германии много было печальных песен и стихов, но в русском романсе присутствовало что-то иное, бесконечно грустное и безысходное, от чего хотелось плакать или пить водку стаканами.

Капитан Дудка, чутко уловивший настроение Иоганна Христофоровича, тут же наполнил большую рюмку, положил на тарелку солёный огурец, селёдку с луком и чёрный хлеб, – любимая русская закуска от императорского дворца до хижины бедняка, – и сочувственно вздохнул. Шлиппенбах тоже вздохнул и опрокинул рюмку в рот «по-молодецки», то есть одним махом, задержав дыхание, затем понюхал хлеб, а уж после закусил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.